

хронологических рамок — более тщательно проследить рукописную традицию. И. С. Чичуров подчеркнул необходимость изучения наряду с собственно апокалипсисами апокалиптических сюжетов в других жанрах, например в хронистике (эпизод у гробницы Константина V в «Хронографии» Феофана). Согласно И. С. Чичурову, апокалиптическая литература характеризует не только специфически средневековую ментальность, о чем говорилось в докладе В. Брандеса, но и политическую идеологию империи («имперская эсхатология»). В этой связи было высказано и сомнение в трактовке этой литературы как отражения сознания преимущественно народных слоев империи. С. А. Иванов подчеркнул важность содержательного изучения апокрифов, поскольку и они могли, как показал В. Брандес, нести на себе отпечаток мыслей своей аудитории. Помимо рассмотренных в докладе отрывков, было бы интересно исследовать, что означали для

читателей и слушателей пассажи о низком происхождении «царя-избавителя», о том, что при нем «никто не будет играть ни на лире, ни на кифаре, ни в трагедии» (житие Андрея Юродивого). Что касается изучения цитирования апокалипсисов в сочинениях других жанров и наоборот, то здесь, по мнению С. А. Иванова, можно пойти еще дальше; так, пророчество Псевдо-Методия, что исмаилиты «сделают святые ризы своей одеждой» может быть поставлено в связь с известиями сирязычных источников той же эпохи, например с рассказом Иоанна Эфесского о том, как каган сделал из кивория шатер и забрал себе посвященные храму ризы.

В заключение хотелось бы отметить, что симпозиум отличали высокий научный уровень докладов и дискуссий, творческая атмосфера и стремление найти новые аспекты в решении поставленных проблем.

А. А. Чекалова

О КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ А. В. БАНК

5 и 6 марта 1986 года в Государственном Эрмитаже впервые состоялась научная конференция, посвященная памяти Алисы Владимировны Банк, выдающегося ученого в области культуры и искусства Византии, одного из крупнейших специалистов Эрмитажа.

Вступительное слово произнес директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский. Он особо отметил ту огромную научную, хранительскую и просветительскую работу, которую А. В. Банк проводила в стенах горячо ею любимого Эрмитажа на протяжении более полувека. Ее труды, хорошо известные как в нашей стране, так и за рубежом, снизили ей заслуженный авторитет во всем мире как одного из лучших специалистов по прикладному искусству Византии.

На заседании было заслушано 17 докладов. Выступившие коллеги и ученики Алисы Владимировны из Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Севастополя, Симферополя, Свердловска проходили под эгидой общей темы: «Новое в исследовании византийского искусства и культуры». Выбор тематики объясняется тем широким диапазоном интересов, знаний, которыми она обладала, ее постоянным стремлением новаторски подойти к каждой решаемой ею проблеме. «Прикладное искусство Византии и археология», «Византия и Русь», «Византия и Кавказ», «Византия и Крым» — вот лишь некоторые темы, которые так глубоко и интересно разрабатывала Алиса Владимировна и которые стали предметом докладов участников конференции.

Новое нашло выражение в трех сферах: атрибуции, в связях с сопредельными странами, в историко-культурных явлениях. Новые определения памятников, их ввод в научный оборот присутствовали почти в каждом докладе, хотя в то же

время ни один из них не был чисто атрибутивным; атрибуция была лишь средством обработки материалов для дальнейших выводов.

Собственно «византийских» докладов было немногим более половины. К ним относится доклад А. И. Комеча, посвященный анализу композиции собора Святой Софии в Константинополе. Исследуя архитектуру центрического здания с восьмью опорами и аркадами между ними (типа церкви Сергия и Вакха), автор сумел показать, как постепенное развитие подобной структуры обнаруживает конструктивную взаимосвязь всех форм, являясь в то же время источником особенной легкости и пространственности интерьера.

В докладе М. А. Поляковской «Зрелища в поздней Византии» обобщен и впервые подвергнут анализу материал источников, содержащих сведения о таком компоненте культуры как зрелища. Автором установлена коррелятивная связь между состоянием общества и характером зрелищ, а также выявлено место поздневизантийских зрелищ в общем контексте средневековой культуры.

Об интересном образце ранневизантийской станковой живописи шла речь в сообщении А. Я. Каковина «Живописная створка триптиха VI—VII вв.» Структурные особенности памятника, представляющего изображение одного из Диоскуров, техника живописи, данные стили и иконографии позволяют отнести этот предмет к VI—VII вв. Обнаружение его в Египте, где культ божественных близнецов был очень распространен, ряд характерных черт иконографии и стиля позволяют считать, что памятник был создан в долине Нила.

Большой интерес вызвал доклад А. А. Иерусалимской «Некоторые новые ас-

пекты в изучении византийского шелкоткачества». На примере отдельных шелковых тканей докладчик прослеживает взаимодействие между художественным шелкоткачеством и другими видами византийского искусства. Так, сопоставление «шелка с черепами» из Ситтена и серебряного кувшина из Эрмитажа позволило уточнить дату ткани (конец VI—начало VII в.), объяснить сюжет изображения на кувшине и предположить, что придворные мастерские торовтов и ткачей обслуживались одними и теми же художниками. Второй из анализируемых шелков — «с историей Иосифа» — из Санса (конец V—начало VI в.) обнаружил влияние миниатюрной живописи. Образцом для ткача послужила несохранившаяся рукопись, возможно, сирийская.

Доклад В. Н. Залеской «Две ранне-византийские костюжные пиксиды» касался двух предметов, недавно поступивших в византийскую коллекцию Эрмитажа. Первый из них — втулка с изображением Ники — оказалась выполненной в Александрии на рубеже V—VII вв. корбочкой для лекарств, а второй — крест с надписью «святой Леонтий» — крышкой костяной пиксиды-реликвария, выполненной в начале VII века в Херсонесе.

В докладе «О редких изображениях на печатях» внимание В. С. Шандровской было сосредоточено на двух группах моливдулов, хранящихся в Эрмитаже, с редко встречающимися композициями, которые автор рассматривает в связи с работой над рукописью Н. П. Лихачева «Моливдулы греческого Востока». К первой группе относятся печати с изображениями Богоматери Галактотрофусы и сидящей на троне Богоматери Одигитрии, ко второй — с изображением Ставракия. Чрезвычайно интересны идентификации названных владельцев печатей (в частности, идентификация Михаила Офриды). Новая хронологическая атрибуция дана одной из печатей с Богоматерью Одигитрией. Владельцем печати был константинопольский патриарх Николай I, а не Николай II Хрисоверг, как считал Н. П. Лихачев. В докладе названы также неизвестные прежде имена владельцев моливдулов. Анализ некоторых атрибутов на печатях императорского протоспафария Ставракия позволил уточнить иконографию этого должностного лица.

И. В. Соколова в своем докладе «О так называемой печати протевона» проанализировала печать, изданную И. И. Толстым в 1887 г. как принадлежащую главе самоуправления Херсона — протевону Михаилу. Автор доклада, относя прежде печать к концу X—началу XI в., после дополнительного исследования развития аббревиатур на печатях и монетах X века пришел к выводу, что датировка не может выходить за пределы начала X века. Кроме того, после реставрации моливдула нельзя прочесть слово «протевон» — должность владельца печати, однако, предложить какое-либо новое чтение автор затрудняется.

Связи Руси и Византии рассматривались в трех докладах. В докладе Э. С.

Смирновой «Спас Вседержитель XII века в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева» анализировалась стилистическая зависимость «Спаса» от традиций «позднечкоминновского маньеризма», которые могли быть занесены приехавшим на Русь провинциальным греческим мастером. Черты сходства с произведениями, созданными на почве византийских провинций в 30—40-х годах XIV в. (фрески в Дечанах и Лесново), прослеживались в докладе Л. И. Лившица «К вопросу о стиле первого слоя росписи церкви Успения на Волотовом поле». Сообщение Л. Г. Колесниковой «Уникальная ткань XIII—XIV вв. из Херсонеса», в котором были использованы материалы по русской этнографии, спроецированные в позднее средневековье, было посвящено атрибуции некоторых образцов парчевых тканей, найденных в Херсонесе.

К связям Византии и варварского мира имел отношение доклад А. И. Айбаина «Хронология византийских поясных наборов с гравированным орнаментом». Подобные наборы, найденные в Константинополе, Северной Африке, лангобардских погребениях в Италии, Подунавье и Крыму датируются исследователями по-разному в рамках VI—VII вв. В Крыму такие наборы обнаружены в погребениях второй половины VII в. По мнению автора, мода на эти предметы там распространялась из гарнизонов крепостей, подобных Эски-Кермену, где размещались воины-федераты. Такие наборы, вероятно, ввозились из Византии через Херсонес, не исключено также, что их делали и в Эски-Кермене.

Темой ряда докладов стали разнообразные связи Византии и Востока. В своем докладе «Одна группа чеканных икон X века из Верхней Сванетии» Р. И. Кения исследовала группу чеканных изделий, хранящихся в церквях Верхней Сванетии, в которую входят иконы Спаса, Богоматери (церкви Лагурка и Лагоми), пластина с изображением св. Павла, выносной крест, две маленькие иконы «Архангелы в позе Оранта». Если раньше эти памятники не имели датировки или же считались грубой работой XV—XVII вв., то теперь автор относит их создание к первой половине X в. Р. И. Кения приходит к заключению, что они ярко отражают исторический процесс развития грузинского чеканного искусства. На этих произведениях, с одной стороны, выявляются чисто скульптурные искания X века, а с другой стороны, сохранены достижения предыдущего периода (подчеркнута экспрессия).

Сообщение Новаковской С. М. касалось золотого медальона с перегородчатой эмалью, представляющего редкий иконографический тип святого Федора с кошем и книгой (!) и грузинской надписью асомтавули. Ряд характерных черт указывает на грузинскую работу и принадлежность медальона к кругу эмалей иконы Гелатского Спаса и примыкающих к ней икон первой половины XII в., а именно Джуматской иконы Архангела Михаила.

В докладе Т. А. Измайловой «Истоки миниатюрной живописи Киликии XII века и Черная Гора» ставилась задача уточнения исходных точек формирования киликийской школы миниатюры в XII в. Автор полагает, что не только «византизирующие» рукописи Центральной Армении дали начало киликийской живописи, хотя и не отрицает их воздействия. Однако общий процесс Т. А. Измайлова считает более сложным, объясняя его большим притоком армянского населения с XI в, оживлением монастырской жизни на Черной Горе (между Сирией и Киликией), где находился престол католикоса. Близкое сосуществование армянских, греческих, грузинских и латинских монастырей, принадлежавших к разным конфессиональным церквям, и привело к созданию новых моделей, положивших начало собственно киликийской школе, примером этому послужил анализ ранней киликийской рукописи (Ромкле 1166 г. № 7347) и трапезундского армянского Евангелия (Венеция. № 1400).

Тема взаимопроникновения Востока и Запада была отражена в двух докладах.

В докладе М. Г. Крамаровского «К вопросу об итало-византийском симбиозе в рельефах раннепалеологовского времени» прослежено сочетание византийских и итальянских элементов декора четырех памятников XIII—начала XIV в. из коллекции Эрмитажа, Музея западного и восточного искусства (Одесса), Музея Отдела археологии Крыма АН УССР (Симферополь). Лишенные стилистической однородности и, несомненно, принадлежащие разным художественным центрам, лежащим в ряде случаев за пределами Крыма, рельефы этой группы объединены общностью судеб, связан-

ных с жизнью генуэзских колоний Северного Причерноморья. Рельефы купели, найденной в районе Партенит (Южпобережный Крым), и типологически близкие декоративные композиции чаши одесского музея и эрмитажной капители дают выразительный пример сочетания византийской традиции техники «sham-plevé» с мотивами венецианской каменной резьбы XII—XIII вв.

Б. И. Маршаком был прочитан доклад «Крестоносцы и Древняя Русь по материалам торевтики». Этот вопрос был поставлен впервые и рассматривался на примере отдельных вещей XII—XIV вв. Некоторые элементы декора Черниговской гривны и окладов икон Петра и Павла и Корсунской Богоматери XII в. находят аналогии в декоре серебряных изделий крестоносцев. Кресты с реликвией «истинного креста» из ризницы Св. Софии в Новгороде имеют сходные между собой узоры басмы. Тот из этих двух крестов, который украшен миниатюрами под хрустальными кабашонами, имеет дробницы итальянской работы XIII—XIV вв., аналогичные по технике и рисунку украшениям этого периода из северокавказских могильников.

Доклад И. Ф. Фихмана, посвященный переписке Г. Ф. Церетели, познакомил слушателей с наследием ученого, с его наблюдениями в области папирологии и палеографии.

Участниками конференции было выражено пожелание систематического проведения подобного рода заседаний, открывающих возможность ознакомления с новыми материалами в области культуры и искусства Византии. Тема следующей конференции — «Культура и искусство Византии и сопредельных стран».

Е. В. Степанова

II ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕДИЕВИСТОВ В МГУ (3-4 ФЕВРАЛЯ 1987 г.)

«Торговля и купечество в средние века в Западной Европе и Византии» — такова тема II Всесоюзной конференции медиевистов, которая была организована кафедрой истории средних веков и проведена 3—4 февраля 1987 г. на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

Конференцию открыла председатель оргкомитета член-корреспондент АН СССР, профессор З. В. Удалцова. В своем вступительном слове она отметила большое значение и сложность поставленных участниками проблем и выразила надежду на то, что конференция послужит важным этапом в деле их изучения. С приветствием к собравшимся обратилась зам. декана исторического факультета МГУ профессор Л. С. Леонова.

Ряд выступлений был посвящен проблемам истории торговли Византии и сопредельных территорий. В докладе С. П. Карпова, заслушанного на пленарном заседании, были проанализированы ос-

новные закономерности развития итальянской торговли в Южном Причерноморье в XIII—XV вв.: дана оценка товарооборота транзитной торговли и масштабов итальянского экспорта; вскрыты последствия политического и торгового кризиса середины XIV в., который существенно модифицировал торговлю. С. П. Карпов отметил, что задачей итальянских предпринимателей было не подавление, а вовлечение греческих купцов в орбиту своей деятельности как младших партнеров, которые перенимали коммерческий опыт генуэзцев и венецианцев. Работу секции «Торговля и купечество в Средиземноморье» открыло сообщение К. В. Хвостовой «Внутренняя торговля и торговая политика в Византии XIV в.», в котором были показаны возможности использования актового материала для изучения этой проблемы. Докладчица отметила, что в XIV в. наряду с процессом натурализации хозяйства существовала и другая тенденция, а именно: развитие внутренней торговли.